

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 января 2014

Эрих Мюзам

Человечность

Эрих Мюзам
Человечность

перевод с немецкого: ndejra
Kain. Zeitschrift fuer Menschlichkeit. Сохранено
22 июня 2013 года: liberadio.noblogs.org

(Из «Kain. Zeitschrift fuer Menschlichkeit»)

Подзаголовок этого журнала послужил поводом для недопониманий, что стало мне понятно после многочисленных посещений и писем, которые я получил. Посему я считаю нужным, пока моё издание не получило не предвиденное мной прозвание благотворительной организации, объяснить читателям, что я понимаю под человечностью.

Тот факт, что внезапно стал издателем журнала, несмотря на честные сообщения публике о том, как выглядело финансовое положение предприятия при его основании, вероятно, вызвало у некоторых людей подозрения, что я капиталист. Некоторые из них связались со мной и хотели чем-нибудь поживиться, при этом они ссылались на то, что я как официальный глашатай человечности в первую очередь обязан к благотворительному исполнению этого лозунга.

Те, кто пришёл ко мне с такими взглядами и намерениями, заблуждались двояко: во-первых, они заблуждались в том, что считали меня состоятельным человеком, во-вторых же, в том, что считали, что иностранное слово «человечность» по-немецки произносится как «Charitas».

Чтобы с самого начала дать однозначное определение: человечность означает неиспорченное, естественное, взаимное отношение людей друг к другу; основанные на честном суждении и достойном понимании отношения; волю к справедливости и любви к ближнему и борьбу на возвышенном до духовности уровне.

Названием этого журнала я хотел выразить, что я принадлежу к не особо обеспеченным, которые не являются трусами, но самостоятельными, сильными и готовыми к бунту, которые хотят помочь создать условия для истинного человечества, т.к.

таковых до сих пор нигде нет. С гуманностью в смысле снисхождения то человечество, которое я подразумеваю, не имеет ничего общего.

Тот факт, что гуманность и человечность в повседневной речи и в латинском и французском языках являются синонимами, мне знаком. Но мне известно и то, что римляне использовали слово «humanitas», в основном, для того, чтобы обозначить более мягкое отношение к рабам, чем обычно. Далее, я заметил, что немецкий язык предпочитает употреблять иностранные выражения особенно там, где происходит обесценивание и уничижение немецкого выражения. Никто не станет отрицать, что, к примеру, куда вежливее говорить о лице дамы, чем о её физиономии. Кто с уважением относится к своей любовнице, едва будет рад слышать как её называют куртизанкой. Владелец новой шляпы или зонтика едва ли будет рад, если его замечательные вещи унижат до «шапо» и «параплю», а рыцарь является куда более мужественным человеком, чем кавалер, которого можно представить не иначе как в смокинге.

Вот именно так гуманность является размытым, коррумпированным, неодушевлённым подвидом человечности, и то, что это слово редко используется иначе, чем для обозначения гуманности, только доказывает то, что всякая истинная человечность потерялась в политике и предпринимательстве.

Сегодня люди считают, что достигли невыразимых высот во всеобъемлющей человечности, и восхваляют наши прогрессивные времена и культуру как несравненно более высокие в сравнении с тем достойным проклятия прошлым, когда неисчислимое количество людей принадлежало другим людям как рабы. Тут возникает лишь незначительный вопрос, исчез ли институт рабства на самом деле. Я считаю: нет. Различие лишь в том, что раньше рабочий как раб принадлежал лишь одно-

— без воззрений на характер, таланты и склонности, и чтобы показать ему его неполноценность ещё более явно, он принуждается против воли, против убеждений и против интереса к носить инструменты убийства дольше и в более низком чине, чем обеспеченные; инструменты, которыми он обязан защищать капитал, высасывающий его кровь. Всё это под вывеской идеала, христианства и человечности.

Тем самым, все гуманитарные движения и устремления, пока они должны действовать смягчающе и примирительно внутри государства, капитализма, рабских учреждений, не соприкасаются с человечностью, которую пытаюсь поддержать я. Эта человечность желает быть человеческой сознательностью, солидарностью, свободой, справедливостью и исполненностью священным призванием бытия человеком; желает любви между людьми, опирающейся на равенство и общественность; желает сила и красоты, и желает жаркого спора, возмущённо-противодействия против любого угнетения, лжи, насилия, неправды и «тартюфства».

Человечность, о которой я говорю, ещё не существует, равно как ещё не существуют справедливость или культура. Ей предстоит быть завоёванной теми средствами, которым предстоит стать её фундаментом; посредством объединения и отбора, посредством ясности, твёрдости и духовной свободы. Человечность есть отвращение и сопротивление посредственности и подлости, есть любовь к прекрасному, истинному и вечному, и воля к существенному.

му единственному хозяину, теперь он принадлежит целому сословию хозяев, которых называют предпринимателями. Приятней ли это состояние для эксплуатируемых, чем более ранее, пусть останется без ответа. Более свободным оно не является точно.

Аристотель придерживался мнения, что рабство определяется природным порядком, ибо низшее должно служить более высокому. Те, кто в наши дни возмущённо отвергают слово рабство, но считают, что капитализм — право на плоды труда «низших» — так же определён природой, не являются более умными, свободными и человечными людьми, чем Аристотель.

Возможно меня назовут циничным, если я немного продолжу сравнение эпохи рабства и эпохи человечности. Если сегодня у землевладельца умирает лошадь или корова, то это — вполне серьёзная утрата. Поэтому в хлеву уделяется много труда поддержанию поголовья скота. Погибает слуга — чьё достоинство выше достоинства раба — то это его собственная неудача. Землевладелец может заменить его быстро и недорого. Когда же богачи содержали рабов, было по-другому. Тогда каждый работник представлял для своего хозяина ценность — как лошадь или корова сегодня — его гибель была для хозяина болезненна. Посему было в интересах хозяина, предоставить работнику достойное жильё и обеспечить его соответствующим образом. Также с крепостными женщинами обращались осторожно и содержали в строго гигиенических условиях, чтобы они оставались способными рожать здоровых и работоспособных детей, а дети, которым предстояло стать рабами, оберегались с осторожностью предохранялись от недоедания и нездоровых влияний.

Сегодня этот жестокий эгоизм рабовладельцев больше не защищает детей от нужды и голода. Скропулёз и тому подобные

симптомы недостаточного питания отмечают уровень развития человечности на теле детей. Батюшка-государство, чьи интересы идентичны с интересами его обеспеченных управленцев, занят более важными вещами, чем заниматься пролетарскими отпрысками иначе, чем привитием им религиозной надёжности и патриотического воодушевления. Слава богу, стареющие дамы находят достаточно свободного времени, чтобы вспомнить о бедствии голодающих, чей запах не достигает их вилл. И они организуют благотворительные ярмарки с орхидеями и померанцами, весёлые костюмированные балы, праздники в саду или даже любительские представления.

Недавно человечность даже была вынесена на улицу. Каждый должен был купить маргаритку, чтобы детям, не рождённым в одобренных министерством отношениях, была облечена нищета первых лет жизни. В Мюнхене насобирали таким способом что-то около ста тысяч марок, и приличный бургер, который в тот день тоже носил цветочек в петлице, может с лёгким сердцем насвистывать песенки, ибо и он поучаствовал в этом деле человечности. Мы же вскорости прочтём, что на эти деньги было открыто бюро благотворительности для внебрачных детей, в котором будут трудиться столько-то и столько-то чиновников, и чьё содержание ежегодно будет стоить столько-то тысяч марок.

Разумеется, несколько детей будут отняты у своих распущенных матерей и переданы богобоязненным семьям на воспитание, подходящее для того, чтобы вытеснить наследственное влияние прискорбного происхождения в душе ребёнка. Не будет ли в некоторых из этих семей беспокойство о деньгах больше, чем о ребёнке, в отдельных случаях можно будет проконтролировать лишь с трудом.

Этот посвящённый высшей человечности день маргариток

был для меня днём мучений. Отвергать чрезвычайно милых девушек, которые в твёрдой вере в свою человеколюбивую миссию подходили повсюду и с горящими глазами и радостными лицами и с по-настоящему трогательной возвышенностью уговаривали купить маргаритку, было не всегда просто, и я часто видел в их лицах, что они были сильно расстроены моей бессердечностью. Но моя петлица оставалась пустой. Я не мог решиться поддержать хотя бы одним грошем эту фривольную глупость, которая представляется мне попыткой замаскировать ужасающий, чудовищный позор наших бесчеловечных условий, голод среди детей, посредством организации благотворительного спортивного праздника.

Я не хочу иметь ничего общего с этим видом человечности, которую применяют привилегированные в отношении к несчастным, чтобы приглушить редкие слабые позывы нечистой совести. Ничего общего с человечностью, которая проявляется в бесстыжей поговорке, что бедность — не порок. Как если бы бедность не была в наше время единственным, что действительно является пороком! Кого бесстыжее использование случайной власти сделало миллиардером, тот считается высшим существом среди людей. Его празднуют, почитают и глазают на него, и если он ещё создаёт благотворительный фонд для поощрения спасающих жизнь, его восхваляют как пример самой благородной человечности. Бедного же повсюду и совершенно неприкрыто оценивают как человека второго сорта. Общество того, кто не носит накрахмаленных рубашек, подозрительно; возможность общения решается соответственно гардеробу. Бедный ребёнок лишён самой возможности обучиться современным формам общения. Необеспеченному молодому человеку закрыты все пути к достойным путям профессиональной жизни. Он обречён быть жертвой эксплуатации